

листу В. чуждо все иррациональное, мистическое, демоническое, исключительное; он стремится запечатлеть только то, что стало явленным, доступным непосредственному наблюдению и восприятию, достаточно определенно оформившимся и закрепленным в психологии человека и обстоятельствах повседневной жизни. В его лирике прозаические стороны жизни не противопоставлены резко ее поэтическим граням, сама жизнь — ее смыслу. Поэт, конечно, видит, что качества жизни неодинаковы, разнообразны и диалектически противоречивы, но он не драматизирует их, не разрывает их визуальных связей, не подчеркивает их контрастность, а стремится в первую очередь выявить в них то, что их объединяет, делает благоприятными для человека. Даже смерть — это часть жизни, залог ее постоянного обновления. Не случайно в книге стихов «Дорожный знак», например, где поэт постоянно обращается к невозвратимым утратам военной поры («Курсанты», «Баллада о последнем», «Больничная баллада», «Это правда», «Сверстники» и др.), много лирических размышлений о детях, о новом поколении («Новое поколение», «Одиночество ребенка», «Детский рисунок», «В детстве», «Дети в цирке», «Облака, мосты...», «Эти дети»). Взаимодействие темы детства с темой военных утрат композиционно связывает эту книгу стихов, подчеркивая диалектическую неразрывность прошлого, настоящего и будущего, жизни и смерти.

Немалое место в лирике В. занимают пейзажные стихи. Здесь представлен весь природный цикл. В стих. «Листопады и дожди...» (1975) сравнение чистой, быть может, родниковой, готовой вот-вот покрыться льдом воды с темечком младенца оказывается настолько выразительным, что оно дает возможность почувствовать живой, родственный человеческому, пульс матери-природы, пульс затихающий, уходящий куда-то в глубину, но напоминающий своим упорным трепетанием, исходящим из глубины, о неизбежности возрождения к новой жизни. В стих. «Естественно развитие плода...» (1974) поэт подчеркивает, что жизнь души и искусства, развиваясь по законам природы, не должна испытывать на себе даже малейшего насилия, мешающего ее росту: «Естественно развитие плода, / Души, строки, пульсирующей живо. / Конечно, это требует труда, / Но только без малейшего нажима. / Не стоит разворачивать бутон, / Как зачастую делают на рынке. / Он сам легко раскроется потом, / Отряхивая круглые росинки».

Видное место в лирике В. занимают песни. Кроме знаменитой «Я люблю тебя, Жизнь...», им написаны известные песни «Мы вас подождем...» и «За окошком свету мало» (музыка в обоих случаях Э. Колмановского), «Женька» (музыка Е. Жарковского), «Я спешу, извините меня» (музыка Я. Френкеля) и мн. др. Особая доля оказалась у песни «Алеша» (музыка Э. Колмановского): она стала гимном болгарского города Пловдива, где русскому солдату Алеше, освободителю Болгарии от фашизма, поставлен памятник.

Большой интерес представляют статьи и заметки В. о поэзии, его воспоминания о старших товарищах и наставниках (Твардовском, Исаковском, Смелякове, Антокольском, Мартынове, Рыленкове, Бернесе и др.) и лит. сверстниках (М. Луконине, С. Гудзенко, А. Фатьянове, С. Орлове, В. Быкове, Е. Винокурове и др.).

Многоликая поэзия В. всегда пронизана раздумчивой философической нотой: «И единственной мыслью беспечной / Каждый душу залечивать рад, — / Что лежит еще день бесконечный / Между вами, восход и закат».

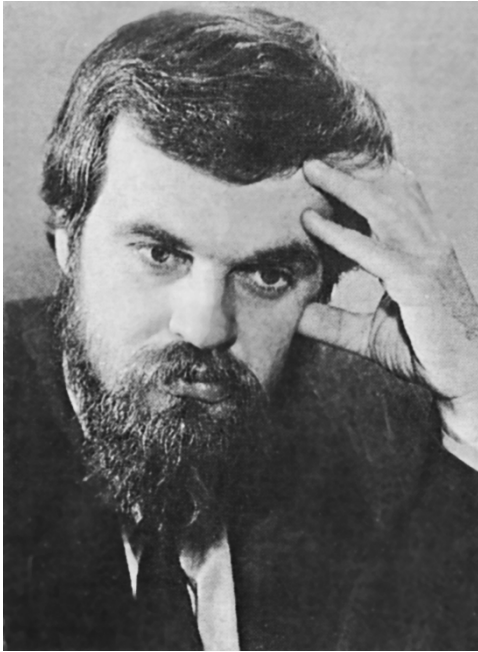
Соч.: Избранные стихотворения: в 2 т. М., 1975; СС: в 3 т. М., 1983–84; Далекий свет: Лирика. М., 1985; Из книги воспоминаний: О В. Некрасове, К. Кулиеве, Ф. Абрамове // Октябрь. 1988. № 8; Не все так просто: По поводу статьи Владимира Корнилова «И холоп и пророк». О стихах М. Исаковского // Лит. газ. 1995. 22 февр. № 8; Его песни поют все без исключения. Сто лет назад родился М. В. Исаковский // Лит. газ. 2000. 19–25 янв. № 3; В мое время // Знамя. 1999. № 3; 2000. № 11.

Лит.: Винокуров Е. Сила конкретности // Лит. газ. 1959. 10 дек. № 151; Филиппова Л. Чувство перспективы // День поэзии. М., 1971; Лавлинский Л. Красота лаконизма: Константин Ваншенкин // Лавлинский Л. Не оставляя линии огня. М., 1975; Залин С. «Мы вышли из войны»: Штрихи к портрету Константина Ваншенкина // Лит. газ. 1975. 15 окт. № 42; Пьяных М. «Я люблю тебя, Жизнь» // Звезда. 1978. № 5; Михайлов Ал. Константин Ваншенкин: Очерк поэзии. М., 1979; Урбан А. Общая со многими судьба: Константин Ваншенкин // Урбан А. В настоящем времени. Л., 1984; Евтушенко Е. Скромное бессмертие Константина Ваншенкина // Лит. газ. 1995. 22 марта. № 12.

М. Ф. Пьяных

ВАРЛАМОВ Алексей Николаевич [23.6. 1963, Москва] — прозаик.

Отец — сотрудник Главлита, мать — учительница русского яз. Среди предков писате-

А. Н. Варламов

ля были дворяне (прапрадед — сенатор Н. Н. Мясоедов) и крестьяне Калужской губ. С детства В. увлекался чтением, путешествиями, рыбной ловлей, что нашло отражение в автобиографическом романе **«Купавна»** (2000). Много ездил по стране и миру — по Средней полосе России, Кавказу, Русскому Северу, Уралу, Сибири, был на озере Байкал, на Дальнем Востоке, в Карпатах, в США, Китае, странах Европы.

В 1985 В. окончил филол. ф-т МГУ, где слушал лекции А. А. Тахо-Годи, М. В. Панова, В. В. Кускова, Н. И. Толстого, В. А. Белошапковой, А. В. Карельского. Занятиям лингвистикой писатель отводит значительное место в профессиональном становлении.

Первые лит. опыты относятся к раннему детству. В. вспоминает, что всегда любил выдумывать истории и записывать их. Первая публикация — рассказ **«Тараканы»** (Октябрь. 1987. № 12). Уже в ранних произведениях видна ориентация В. на русскую классическую лит-ру. Немалое влияние на творчество писателя оказала проза А. С. Пушкина, А. П. Чехова, И. А. Бунина, а также А. П. Платонова и Ю. П. Казакова.

Переломные 1990-е в России заставили писателя обратиться к вопросам о настоящем и будущем страны, к национальным особенностям. «Фольклорные экспедиции, деревня, поворот к осознанию своей русскости. Политические потрясения, пришедшиеся на молодость. Стремление во всем разобраться, понять свое отношение и найти свой путь. В более поздние годы покупка деревенского дома на севере Вологодской области (недалеко от беловской Тимонихи). Об этом — повесть **«Дом в деревне»**, которую, кстати, Белов прочел и вернул мне с многочисленными пометками, но в целом резолюция его была положительной и очень для меня дорогой» (Автобиография. Отдел новейшей лит-ры ИРЛИ). Интерес к русскому характеру и русской жизни заметен во многих его произведениях.

В лит. творчестве путь писателя лежит от рассказов к повестям и романам. Рассказы **«Покров»** и **«Таинство»** были опубликованы в 1991 в «Знамени» (№ 6), **«Сочельник»** и **«Галаша»** — в «Новом мире» в 1992 (№ 6). Далее последовали повести **«Гора»**, **«Здравствуй, князь!»**, а в 1995 — первый роман **«Лох»** (Октябрь. № 2). Одновременно создавались очерки, критические эссе, публицистические и литературоведческие статьи. В это же время написаны 2 пьесы, одна из которых была поставлена на фестивале молодой драматургии и получила высокую оценку М. Рощина.

Все написанное сам автор условно делит на «вымышленное», хотя бы и имеющее реальную основу, и «документальное». К «вымышленному» он относит рассказы **«Сплав»**, **«Партизан Марыч и Великая Степь»**, **«Ангел»**, **«Выход из эфир»**, **«Таинство»**, **«Тутаев»**, **«Вхождение»**, **«Кальвария»** и др., повести **«Здравствуй, князь!»**, **«Гора»**, романы **«Лох»**, **«Затонувший ковчег»**, **«Купол»**. Последние три романа автор определяет как «своего рода трилогию о вирусах, которыми поражено наше национальное сознание»: в **«Лохе»** — это апокалиптицизм (параллельно с написанием этого романа автором была защищена канд. дис. на тему «Апокалиптические мотивы в русской прозе конца XX века»), в **«Затонувшем ковчеге»** — сектантство, в **«Куполе»** — утопизм. При этом во всех трех на первое место выходит мотив бегства от реальности. Герои романов — совр. люди, мятущиеся, неустоявшиеся, сомневающиеся, часто никчемные, но пытающиеся найти себя.

Произведения автобиографические или документальные связаны с судьбами близких писателю людей: рассказы **«Галаша»**, **«Паломники»**, **«Старое»**, **«Погост»**, **«Заступница»**, **«Ночь славянских фильмов»**, повести **«Дом в деревне»** (Новый мир. 1997. № 9), **«Падчевары»** (Новый мир. 2002.

№ 2) и автобиографический роман «Купавна» (Новый мир. 2000. № 10–11).

Рассказы «Покров», «Сочельник», «**Присяга**» и повести «**Рождение**» и «**Звездочка**» сочетают фактический материал и худож. вымысел. Заметны в его произведениях элементы путевых очерков.

В лит-ре В. получил известность после публикации повести «Рождение» (Новый мир. 1995. № 7), в которой жизнь семейной пары сопоставлена с историческими перипетиями в России. Прием соположения будет использован автором не раз. Трудная беременность, тяжелые роды, а потом болезнь новорожденного показаны на фоне расстрела «Белого дома» в Москве в окт. 1993. Финал повести благополучен: начинается новая жизнь семьи, что дает возможность толковать оптимистично прогнозы автора относительно новой жизни России. В. Я. Курбатов замечает: «И в конце мы прозревшим сердцем догадываемся, что герои отодвигают стену Апокалипсиса тем, что сами становятся семьей, малой церковью, которая удержится зерном веры и подтвердит правоту евангельской истины, что такого зерна довольно, чтобы отодвинуть смерть» (Курбатов В. Я. Отражение небесной битвы // Варламов А. Н. Затонувший ковчег. М., 2003. С. 11).

Тема России продолжена в романе «Лох» (1995), который построен по канонам русской народной сказки об Иванушке-дуралече. Главный герой Александр Тезкин — непутевый третий сын, родившийся в благополучной московской семье. Время действия охватывает почти 30 лет (1963–93). Географическое пространство романа — Москва, Мюнхен — дополняется пространством духовным — земным и небесным. В романе использован традиционный для русской лит-ры мотив странничества героя, названный здесь «страстью к звездному небу». Земной мир герой «уподоблял кем-то хорошо и строго охраняемой зоне, а мир небесный — свободе, куда рвется человеческая душа». История жизни и любви Тезкина дана на фоне истории России, переживающей — по мысли героя — последние времена перед концом света. Имя главного героя проясняет авторский замысел: он, как и его «порфиородный тезка» Парис, получает любовь «самой красивой женщины», названной в романе Екатериной-Козеттой. Эта девушка, готовая принести в жертву свою честь и доброе имя ради спасения больного туберкулезом героя, сохраняет чистоту, самоотверженную любовь. Ключевые образы романа — наивный мальчик, которого обманывают и называют «лохом»; космические

снимки, которые как будто сделаны Самим Господом; мойры, которые прядут пряжу человеческой жизни; видения апокалиптического толка в финале романа. Эти образы позволяют толковать смысл романа широко, в масштабах судьбы всего мира, находящегося на грани конца света: «На пространстве национального материка Варламов рассказал и историю краха некогда великой Империи, и историю гибели человечества» (Михайлова Г.).

Эти темы получают дальнейшее развитие в романе «Затонувший ковчег» (Октябрь. 1997. № 3–4). В центре повествования — жизнь и гибель секты скопцов в глухом уголке Севера. В основе сюжета — мистерии с нисхождением героев в бездну греха, а затем их восхождением. Значимые имена актуализируют христианский пласт произведения. Илья Петрович, влюбленный в свою ученицу Машу, пророчествует о будущем России, он оказывается «крепостью Господней» (так переводится его имя). Люппо, изображающий мессию, оказывается «волком (в переводе с латинского) в овечьей шкуре», оборотнем. Героиня с христианским именем Мария оказывается той «праведницей», без которой, по поверью, «не стоит ни город, ни вся земля».

Роман «Купол» (Октябрь. 1999. № 3–4) завершает трилогию. События охватывают 35 лет — с 1965 по 2000. Жанр — исповедь главного героя, дальтоника, мечтающего увидеть мир в цвете. События носят фантастический характер, что в реалистическом романе объясняется болезнью героя. Явно прослеживается связь с прозой А. Платонова и философией Н. Федорова. Чагодай, название которого напоминает одновременно и «Чевенгур» А. Платонова, и его же Назара Чагатаева из «Джана» и вводит мотивы рыбной ловли (от глагола «чагать», т. е. ловить рыбу) и неволи (от «чага» — невольница), как будто вмещает в себя всю Россию. Роман о России перестроечной и постперестроечной, когда над Чагодаем (то есть над Россией) возникает аномальное природное явление — непроницаемый купол из затвердевшего тумана. Многозначность слова «купол» позволяет видеть в Чагадае и человеческий муравейник, который всегда имеет форму купола, и купол храма, который имеет символическое значение благодати Божьей, разлитой над миром. Купол имеет и защитную функцию, препятствует военному вторжению с Запада. Вопрос автора — в чем смысл вечной изоляции России?

Повесть «**Теплые острова в холодном море**» (2000) — о путешествии на Русский

Север двух друзей. Острова в холодном Белом и одновременно житейском морях теплятся молитвами братии в монастырях за Россию.

В прозе В. сильно лирическое начало. Ведущие темы — воспоминания детства, человек и природа, путь воцерковления. Значимы имена героев и топонимы, они «поднимают» пласты лит. традиции и культуры, часто имеют религиозное толкование. Очевидна связь с натурфилософской прозой И. С. Тургенева, С. Т. Аксакова, М. М. Пришвина.

П. Басинский называет имя В. в ряду «деревенской прозы» вслед за именами В. Белова, В. Астафьева и В. Шукшина, одновременно отмечая, что В. — «самый непонятный» из «молодых» писателей (Басинский П. — С. 15). Эта мысль перекликается со словами Е. Щегловой о том, что В. — «писатель очень простой при всей хрустальной ясности его слога», критик отмечает «тесное соприкосновение» В. с классикой, «тут нет вторичности и преднамеренной сентиментальной стилизации», от классики он «„заряжается“ нравственным максимализмом, чистотой, верой» (Щеглова Е. — С. 85). Ю. Минералов называет творчество В. «символическим реализмом» (Минералов Ю. — С. 62).

Кроме прозы, В. пишет и публикует статьи о совр. лит-ре: «Убийство» (Дружба народов. 2000. № 11), «Оставлены на второй век» (Лит. газ. 2001. № 52. Дек.), «Наваждение Леонида Леонова» (о романе «Пирамида») (Москва. 1997. № 4). Плоды науч. исследования прозы М. М. Пришвина — статьи литературоведческого характера (Вопр. лит-ры. 2001. № 2, 6; Новый ж. 2001. № 224, 225; Октябрь. 2002. № 1, 2), книга о М. М. Пришвине в серии «ЖЗЛ» (М., 2003) и докторская дис. «Жизнь как творчество в Дневнике и худож. прозе М. М. Пришвина» (2003).

С сент. 2002 ведет публицистическую колонку в «Лит. газ.». Писательскую деятельность совмещает с преподавательской работой и науч. исследованиями на филол. ф-те МГУ. Произведения переведены на немецкий, китайский, японский, литовский, армянский яз.

Член Союза российских писателей с 1993 и общественного совета ж. «Октябрь» с 1998, «Роман-газ.» с 1999. Член Русского Пен-центра с 2003. Лауреат премий ж. «Смена» (1991), ж. «Октябрь» (1995, 1997), «Антибукер» (1995), Lege Artis за лучший рассказ (Германия, 1995), газ. «Московский железнодорожник» (1997), «Роман-газ.» (1998), ж. «Лит. учеба» (2001). Живет в Москве.

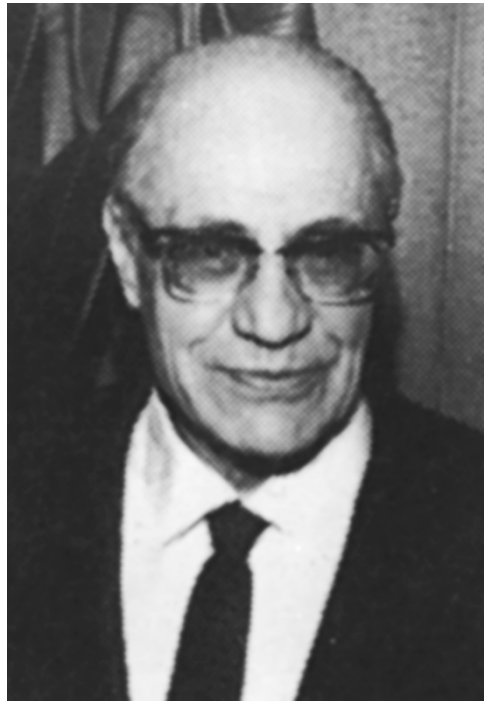
Соч.: Дом в Остожье. М., 1990; Здравствуй, князь М., 1993; Купавна // Новый мир. 2000. № 10–11; Ночь славянских фильмов. М., 2001; Затонувший ковчег. М., 2002; 11 сентября // Москва. 2003. № 8–9; Пришвин. М., 2003.

Лит.: Мокроусов А. Бунин, Трифонов, Варламов... // Огонек. 1993. № 36; Щеглова Е. Мелодия человечности // Вопр. лит-ры. 1995. № 3; Басинский П. Проза совр. русского реализма // Лит-ра. 1996. № 5; Михайлова Г. «...и покажу тебе, чему надлежит быть после сего» // Русская лит-ра и культура рубежа веков. Вильнюс, 1997; Славецкий Вл. Элизиум теней // Новый мир. 1998. № 11; Касаткина Т. Подростковый период // Новый мир. 1999. № 11; Сердюченко В. Русская проза на рубеже третьего тысячелетия // Вопр. лит-ры. 2000. Июль–авг.; Минералов Ю. И. Символический реализм // Минералов Ю. И. История русской лит-ры. 90-е годы XX века. М., 2002.

Е. Р. Боровская

ВАРШАВСКИЙ Владимир Сергеевич [11(24).10.1906, Москва — 22.11.1978, Женева] — прозаик, публицист.

Сын присяжного поверенного и журналиста С. И. Варшавского. В 1920 вместе с отцом и семьей эмигрировал через Константинополь в Прагу, из которой после окончания гимназии и юридического ф-та Пражского

В. С. Варшавский